

Проблемы местного самоуправления, которые обсуждаются на страницах журнала (см. №№ 9–12 за 2001 и 1, 3 за 2002 год), касаются и Москвы. Как должна строиться местная власть в столице? В чем ее особенности? На сей счет нет единого мнения. Вопросы организации местного самоуправления в Москве рассматривал Верховный Суд РФ, они прорабатываются в ряде законопроектов — как городских, так и федеральных. Вместе с тем на практике не все складывается однозначно. Некоторые районы начали преобразования, так сказать, явочно, вводя у себя порядки, приближающие их к статусу муниципальных образований. Среди них выделяется Пресненский район столицы. О позиции районной Управы по вопросам организации местного самоуправления в Москве — в интервью с главой Управы Александром Красновым.

*«На Пресне
все в порядке»*

– Прежде всего хотелось бы узнать об особой позиции, которую Управа Пресненского района заняла в ряду других районных управ Москвы. О ней писали несколько месяцев назад газеты, потом все затихло. Как обстоят дела сейчас? Вы не отказались от своих убеждений?

– Нет, не отказался. Это давняя история, и она продвигается. Я был избран на Пресне председателем райсовета еще в 1990 году. Это было довольно экзотично, поскольку на выборах шла жесткая борьба между КПСС и «ДемРоссией», а я был беспартийным кандидатом. В райсовете я продержался до 1993 г., до момента расстрела парламента. И уже тогда позиция и моя, и моих коллег, которые пришли во власть вместе со мной, заключалась в том, что закон надо соблюдать. В связи с этой позицией один раз мне чуть орден не дали, когда я выступил на стороне Бориса Ельцина против ГКЧП, а второй раз чуть в тюрьму не посадили, когда я выступил на стороне парламента, опять же исходя из того, что закон нельзя нарушать. То есть позиция оказалась сложной, хотя и достаточно четкой. Я не стыжусь своего поведения ни в 1991, ни в 1993 годах. Это были годы моего, так сказать, первого прихода во власть. Что касается второго прихода, то здесь тоже получилось непросто. Сначала я был избран советником районного собрания, что было нелегко при моих отнюдь не любезных отношениях с Юрием Лужковым. Затем меня фактически сразу избрали заместителем председателя районного собрания, а когда ушел глава управы, я занял его место.

Перед этим мы выиграли ряд споров в Верховном Суде Российской Федерации о том, что главы управ должны избираться на альтернативной основе. Ведь Федеральный закон о местном самоуправлении подразумевает два типа выборов главы муниципального образования – или непосредственно населением, или советниками районного собрания из числа этих же советников. В любом случае глава управы должен пройти горнило выборов, причем на альтернативной основе. Меня избрали советниками районного собрания, альтернативным кандидатом был заместитель префекта Зайцев. Было тайное голосование, и мне удалось его опередить. И вот теперь мое неприятие того, что делалось в Москве в течение семи лет, когда я сидел в оппозиции, и выплескивается. Никаких

оснований прекращать эту деятельность у меня нет. Все наши действия в области местного самоуправления опираются на федеральные законы. Мы четко отслеживаем и соблюдаем иерархию законов: для нас самое главное – Конституция, федеральный закон чуть менее значим, московский закон – еще меньше, затем идет постановление Правительства Москвы. А далее вообще не пойми что – подзаконные акты. Мы их в случае коллизии с законами не учитываем. Вот наша позиция. Мы ее последовательно придерживаемся в своей каждодневной деятельности и сходиться с нее не собираемся.

– А как относятся к Вашей позиции городские власти?

– Конечно, радости у них мало. Они вообще против реальной самостоятельности районных органов местного самоуправления. Но я ссылаюсь на Конституцию, в которой черным по белому написано, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Я руководитель органа местного самоуправления, глава районной Управы, а все, что находится выше меня, в лице префектуры города и всей системы государственной власти, включая федеральную, – эти структуры отделены от меня. Я должен иметь свой бюджет, быть свободен в кадровых назначениях внутри Управы, а из этого вытекает очень многое.

– Ведь Московская городская дума приняла законы, направленные как раз на усиление местного самоуправления?

– Эти московские законы содержат определенную долю лукавства. На Лужкова надавили федеральные власти. Ему сказали: если ты не приведишь законы в соответствие с федеральными, то будут серьезные санкции. Дума тут же приняла законы, внешне соответствующие федеральным. Устав города Москвы в разделе «Местное самоуправление» прописывает все относительно правильно: там и бюджет местного самоуправления предусмотрен, и выборы, и многое другое. И тут же сказано, что этот раздел вводится в действие через два года. Этим перечеркиваются все положительные стороны закона.

– Но через два года все станет так, как написано. Если написали хорошо, можно надеяться, что и сделано будет хорошо...

– Да и написано не до конца хорошо. Возьмите Закон города Москвы о районной управе. В нем, например,

сказано, что если выборы главы управы производятся советниками, то должно быть подано голосов 2/3 советников, а не 1/2. А если 2/3 голосов не набралось, то мэр назначает, как обычно, своего исполняющего обязанности главы, который, естественно, будет плясать под его дудку. 2/3 фактически близко к единогласию. Если учесть, что советников немного – от 10 до 15, то московским властям достаточно взять за горло трех–четыре из них, которые будут голосовать против любой неудобной этим властям кандидатуры, и управы обречены. Они будут получать назначаемого «сверху» главу.

– Но это касается только выборов...

– Не только, речь идет о бюджете района. В законе записано: мы можем только просить Лужкова, чтобы нам дали возможность утверждать и исполнять свой бюджет. А соблаговолит ли он дать «разрешение на бюджет» или нет – одному богу известно. По Конституции же и по Федеральному закону об общих принципах местного самоуправления мы имеем полное право на свой бюджет. И Верховный Суд России в декабре прошлого года подтвердил это право в споре, где мы выступали одной из сторон. Это означает, что налоговая инспекция должна переводить местные налоги и сборы в бюджеты районов, а не в городской бюджет. Пока мы этого добиться не можем. Живем по смете – нам спускают «сверху» какие-то контрольные цифры, мы их тупо принимаем, советники распределяют средства по статьям и потом мы эти деньги расходует.

Дальше. В Законе города Москвы о районной управе говорится, что управа является юридическим лицом, а устав этого юридического лица зарегистрировать невозможно. Хотя существуют три государственных органа, занимающихся регистрацией, но ни одному из них не предписано регистрировать управы в качестве юридических лиц. И когда мы обращаемся в эти организации, нам говорят: нет закона о порядке регистрации, мы вас зарегистрировать не можем. А отсутствие статуса юридического лица, как Вы понимаете, существенно ограничивает наши возможности в хозяйственных делах.

– Значит вы пока не являетесь юридическим лицом?

– Нет, наша Управа уже юридическое лицо. Мы решили не ждать милости от городских властей, а действовать, опираясь на решение Вер-

ховного Суда. Согласно этому документу, деньги должны переводиться на наш счет. Приходим в банк, нам говорят: нужен устав. Я предложил моим коллегам побыстрее написать этот устав, собрать в нем какую-нибудь нужную по форме информацию и поскорее двинуть его, лишь бы счет открыли. Но мои коллеги настояли на том, чтобы соблюсти Федеральный закон. Ведь в нем записано, что должно быть в уставе муниципального образования. Там сказано, что в соответствии с уставом выборные и иные органы местного самоуправления являются юридическими лицами.

Ну, переписали мы все, что есть в Федеральном законе об уставе муниципального образования, и подали на регистрацию. Это было перед Новым годом, что, видимо, сыграло свою роль. В неформальной беседе мы убедили работников регистрационной палаты, что все делается в интересах дела, по закону, и устав утвердили. В нем нет ничего особенного. Никакой революции мы этим уставом устраивать не собирались. Я вообще не знаю более консервативного документа, чем этот устав, из-за которого половина Москвы на ухах стоит.

– Мне кажется, что половина Москвы стоит на ухах не потому, что Вы этот документ утвердили, а потому, что с ним связывают намерение Управы уйти из-под руки Москвы и порушить единое городское хозяйство.

– Никаких поползновений на единое городское хозяйство у меня нет. Вот когда стану мэром города, тогда буду им заниматься. А сейчас речь идет о том, чтобы самостоятельно, а значит, лучше выполнять районные функции. У нас хозяйство городское построено так, что по районам его растащить просто невозможно, оно в ряде случаев «сгруппировано» не по границам районных управ, а по своим особым районам. На Пресне, к примеру, работают третий и седьмой районы теплосети. И городское хозяйство это никак не нарушает. Мое районное хозяйство начинается от распределительного пункта до конкретной отопительной батареи в доме и квартире. Это мой кусочек, я за него и отвечаю. И здесь я хочу быть хозяином и работать так, как это необходимо. В этот порядок входит и установление счетчиков. И вот это уже перестает нравиться городским властям. Если я поставлю счетчики, то докажу, что с меня они получают в

два раза больше, чем отпускают тепла. Эту истину они слушать не хотят. Подсчет тепла – для них катастрофа. Поэтому они отказываются ставить счетчики, сертифицировать их, придираются к чему угодно.

Я могу поклясться, что устав мы принимали ради открытия счета. Счет мы получили и чувствуем себя уверенней. Наполняем его деньгами. После открытия счета мы, наконец, можем создавать муниципальные унитарные предприятия. До этого мы собирали деньги – за торговлю, за рекламу – на какие-то мало связанные с нами ООО. Это что-то слабенькое. А сейчас, когда у нас открылся наполняемый счет, мы можем проплатить уставные суммы и зарегистрировать свои предприятия. В ближайшее время зарегистрируем два: одно будет выполнять функции дирекции объединенного заказчика, а другое займется регистрацией, торговлей, рекламой, инвентаризацией.

– Значит, денег у Вас хватает?

– На Пресне у меня всегда хватало денег и хватает. Но как только мы сделаем бюджет и в него начнут поступать все местные, то есть муниципальные налоги, мы будем получать значительно больше. Проблема, однако, заключается не в том, чтобы отобрать у города его деньги, а в том, чтобы город не отбирал наших денег. Я знаю, сколько мы получим из налоговых поступлений – 350 миллионов рублей из 1,5 миллиарда. Все остальное мы будем собирать на территории. Когда я дискутирую со своими оппонентами, я говорю: да вы мне один налог дайте – на тараканов, и я буду вполне удовлетворять интересы населения. Я точно знаю, как его собрать, в отличие от вас. Вы же ничего собрать не можете. А я могу. Пример – торговля. Раньше она давала 30 тысяч рублей в год – была записана контрольная циферка на какие-то мелкие штрафы, которые контролер должен за день собрать. А сейчас мы вышли на цифру среднегодовую – 50 миллионов! В полторы тысячи раз больше!

У нас много ларьков, которые стоят рядом со станциями метро и в других местах. Когда мы пришли к власти и посчитали эти точки, то выяснили, что на территории района их около 1500. Посмотрели документы, сколько из них зарегистрировано, оказалось всего 16, то есть чуть больше одного процента. Кто получает деньги с этих ларьков? И почему они работали, не опасаясь каких-либо санкций со стороны контроли-

рующих органов? Ведь над ними были прокуратура, милиция, торговая организация, уголовники, кто угодно. Все брали «на лапу». Мы поняли, что должны отнять у них хотя бы часть этих денег. Для этого нам необходимо было зарегистрировать все ларьки в муниципальных органах и за эту регистрацию взять деньги. Выяснили сначала, сколько они платят уголовным или чиновничьим «крышам». Узнали, что единовременное установление ларька около станции метро стоит 2500 тысяч долларов, а затем 300 долларов каждый месяц. Решили, что мы проведем официальную регистрацию за существенно более низкую цену – 100 долларов в месяц без предварительной платы. И к нам потянулся народ. Каждый день по 30–40 организаций к нам сейчас приходят регистрироваться. И это все в полном соответствии с законом: регистрация мелкорозничной торговли относится к полномочиям местных органов власти.

Почему так произошло? Потому что у нас появился интерес к этому! У моего предшественника интереса не было. Он, конечно, собирал какие-то суммы, но все отдавал, как раньше говорили, в закрома родины, то есть городу. А потом почти ничего не получал обратно. Надо было сидеть в приемной у префекта с протянутой рукой и доказывать, что у тебя такая хорошая программа, что префект просто не может не дать денег на нее.

– А теперь?

– А теперь деньги у нас на счете. Мы их не отдаем. И не должны отдавать. Долю – да, но не все. К примеру, из общей суммы, которую мы получаем по рекламе, 1/3 оставляем себе, 2/3 переводим городу. Эту границу мы не двигаем. И город, кстати, больше стал получать.

– Так в чем же дело, почему городские власти возражают против того, что Вы делаете?

– Во-первых, у меня личный конфликт с Юрием Михайловичем. Когда мы умрем, наши могилы еще будут продолжаться воевать. Он же был мэром Москвы в 1993 г., во время переворота. Представляете, как он меня любит сильно? И я его также! Это первая причина. Вторая состоит в том, что мы постоянно отгрызаем у чиновников деньги. Вот сейчас мы отгрызли торговые деньги, о которых я уже говорил. Подчеркну, у коррумпированного чиновничества, а не у московского бюджета. Мы перевели их «по-белому» на свой счет. То же самое с рекламой. Раньше день-

ги уходили в Управление рекламой, сейчас мы и здесь навели порядок и законно завели деньги в районную копилку. Как вы думаете, любят меня городские чиновники, которые сидят на рекламе? Естественно, они меня не любят! В коммунальном хозяйстве я тоже прекратил воровство. У меня ремонт двора стал в три раза дешевле. За счет чего или, точнее, кого? Кто раньше эти деньги получал? Любят ли меня после этого коммунальщики? Городские, префектурные, да и наши местные? Да они ненавидят меня всеми фибрами своей души!

— А как Вы относитесь к общегородским делам? Или здесь Вы наблюдатель?

— Да, нет, я не могу оставаться в стороне. Естественно, я участвую в общегородских дискуссиях. Меня весьма интересует расходование средств в городе. Нет, я не претендую на эти деньги, но я вижу, к примеру, страшные нарушения логики, процедуры и крайне опасную для экономики коррупцию. Как известно, в бюджете есть две составляющие: имущественная и административная. Имущественная часть — это то, что получается из неналоговых сборов: аренда земли, нежилых помещений, услуги Мосводоканала, Москанализации, Мосгортепла. Одним словом — эксплуатация имущества города. Ад-

министративная часть — это налоги, акцизы, сборы, штрафы и пр. Эта вторая часть собирается по абсолютно понятным правилам: депутаты устанавливают нормативы и затраты, нужные для вполне конкретных общественных целей, таких как содержание милиции, скорой помощи, ремонт дорог, благоустройство. Но очень плохо, аморально, когда деньги, собранные под эти задачи, перекачиваются в новые объекты городской инфраструктуры типа комплекса «Манежная площадь», «Гостиного двора», центра «Москва-Сити» и т.п. Таким образом, деньги административные становятся имущественными, а потом, прямо скажем, раскрадываются. Они все убыточны — и комплекс «Манежная площадь», и «Гостиный двор», и проект «Москва-Сити». Все средства достаточно лов-

ко растаскиваются. В Германии, например, законодательно запрещено переводить административную часть в имущественную. Обратная подпитка возможна — если ты уверенно эксплуатируешь то, что принадлежит городу, ты можешь сюда добавить денег, ты хороший хозяйственник. Говорят, что Павел Павлович Бородин — жулик. Но у него была колоссальная собственность и он ее эксплуатировал. 110 тысяч человек у него получали зарплату не из бюджета, а из этих доходов. Вот он хороший хозяйственник, а Лужков — плохой. У него имущественная часть бюджета убыточная.

По поводу проекта «Москва-Сити» мы возбудили судебное разбирательство. Спор в городском суде проиграла. В этом суде мы обычно всегда проигрываем, зато потом выигрыва-

ем в Верховном Суде России. При чем мы пытаемся перепрыгнуть районный суд, который у нас, кстати, рядом находится. Идти сюда бессмысленно! Если мы здесь выиграем, то потом в Москве проиграем. А затем новая головная боль — тащиться в надзорную инстанцию. Поэтому мы стараемся сразу выйти на московский уровень, не очень спорим и, естественно, гарантированно проигрываем. Здесь командует Лужков. Дальше идем в Верховный Суд, где игра уже иная, выкладываем на стол все аргументы и доказываем свою правоту. Конечно, не всегда.

По выборности глав выиграли спор. И по перечислению на расчетный счет управы местных сборов и налогов. Думаем, и по «Москва-Сити» процесс выиграем, потому что сейчас прокуратура перешла на

нашу сторону. Мы ликвидируем как класс эти «территориальные единицы с особым статусом». Ведь получается налоговая и таможенная офшорка. Они не платят за землю. Классический пример: 70 гектаров на территории Пресни «гуляют» 12 лет! Мост «Багратион» из никуда в никуда построили. Он убыточен. В него вложили 50 миллионов долларов, которые ничего пока не приносят. Причем ни одной копейки частных денег туда не вошло, все казенные. Если бы на этом участке действовала наша администрация, мы этот проект слегка модернизировали бы и в течение ближайших 10 лет 3–5 миллиардов туда затащили бы. Клянусь! Пришли бы люди, построили здания, создали рабочие места, развили инфраструктуру и было бы все нормально.

— Вы критикуете Лужкова, а большинство москвичей его поддерживают даже при нынешних затратах на престижные сооружения. Почему? Как Вы думаете?

— Четверть московского бюджета уходит на пропаганду лично Юрия Михайловича. Кто может устоять под таким напором? Лужков же не является мэром Москвы, он — актер, который играет роль мэра. Постоянно ведется аудио- и видеозапись его высказываний, его хождений по городу. Потом лучшие кусочки из этой записи выбираются и выдаются на телеэкраны. Естественно, это действует на людей.

— Ну вряд ли дело только в этом. Вот сейчас по дороге к Вам я проезжал по третьему транспортному кольцу. По-моему, хорошее дело.

— А при чем тут Лужков?

– Как при чем? Он же строитель!

– Он не строитель, а химик! Ведь кольцо строится на федеральные деньги, на деньги федерального дорожного фонда. Строит федеральная компания «Трансстрой». Ну, при чем тут Лужков? При том, что он разрезает красные ленточки и говорит: я построил кольцо? Это не его заслуга! А возьмите метро. Оно тоже финансируется исключительно на федеральные деньги, и «Мосметрострой» – это федеральная корпорация. Вот «Москва-Сити» – это бизнес правительства Москвы, членов правительства и членов их семей. Проект осуществляется на московские бюджетные деньги. И есть опасность, что ловкие чиновники отгребут часть этих денег себе и проект станет убыточным.

Все это вновь и вновь подводит нас к проблеме коррупции в Москве. Рецепт ее решения известен. Надо повышать заработную плату чиновникам, иначе они все равно будут воровать. Я далек от идеалистических представлений, что можно сразу как-то справиться с коррупцией, тем более в отдельно взятом районе, но подойти к решению проблемы можно. Есть три категории чиновников: одни патологически честные, которые помирают с голоду, но денег не воруют и взяток не берут, другие – воруя непроходимое, им сколько денег не дай, хоть миллион, они все равно будут красть, этих уже не исправишь. Между ними находятся люди, которые еще могут подвинуться в сознании и туда, и сюда. Если мы будем платить заработную плату побольше, то основная мотивация коррупции – проживание, сохранение рода, наличие машины, бензина в ней, норковой шубы для жены и т.д. – пропадет. Я думаю, что чиновник районного масштаба, скажем, глава управы, может получать 3000 долларов как минимум в условиях нашей небогатой страны. Заместители – пропорционально. Начальник торгового отдела должен получать не меньше 1500 долларов в месяц. Сейчас он получает 150. Думаете, ему этого хватает? Глупость! Он реально получает больше за счет «теневых» денег. Значит, надо сделать так, чтобы он получал эти деньги легально от муниципалитета. И тогда он будет спокойно себя чувствовать, не будет беспокоиться о пенсии, зная, что у него «белые» деньги. Это хорошо. А сейчас он формально получает 150 долларов, а остальные колоссальные суммы приворочивает. Получается как в застойное время.

Продавщица в магазине получала 70 рублей, а остальное доворочивала. Это же цинизм.

Вот, между прочим, почему нужен районный бюджет. Его наличие позволит мне принять свою тарифную сетку. Пока я по сметам финансируюсь, у меня язык не повернется просить у Лужкова: поменяй мне в районе тарифную сетку. Скажут, почему это в твоём районе должны больше платить, чем в других? Это непозволительно, это не пройдет. А если у меня собственный бюджет, я сетку смогу изменить. Кстати, в Питере так сделали. Там чиновники получают в зависимости от «удоистости» бюджета, и ничего страшного в этом нет.

Коррупция – мощнейший источник доходов. Вообще человеческие пороки весьма доходны. Наркомания – порок? Порок, но и сильнейший бизнес, выгодное дело. Стремление к сверхнормативному удовлетворению сексуальных страстей, проституция – выгодное дело. Водка – тоже выгодное дело. Так и коррупция. Эти средства нужно перекачать в бюджет. Я хочу это сделать. Но коррупция сейчас в стране достигла такого размера, что она уже носит не только моральный характер. Она носит экономический характер. Если при коммунистах человек крал 3% из бюджета – это был финиш. Он покупал втихаря видеомагнитофон и смотрел его под одеялом. В 90-х годах стало нормой красть 10–15%, в 1993 г. дошло до 30%. Сейчас крадут 70–80% бюджета. Надо как-то откатывать обратно. Как? В частности, так, как я предлагаю. Повысить заработную плату и одновременно требовательность к чиновникам, а также создать механизмы загона денег в легальный бюджет.

У нас с посредниками Лужкова неоднократно велись разговоры о необходимости прийти к компромиссу. Но этот компромисс Лужков и его команда понимают следующим образом: мы с тобой договоримся, что мы не воюем, но за счет жителей. Мы тебя уважаем, ты человек хороший, на, вору, тебя никто не тронет. Только давай с тобой договоримся. Я не могу пойти на этот компромисс. Я могу пойти на него только в рамках своей зарплаты, своих доходов, каких-то собственных интересов. От себя я могу что-то отрезать. Но почему я должен идти на компромисс за счет кого-то? Такой компромисс для меня недопустим.

– Можно как-то представить себе уровень жизни, удовлетворения потребностей населения в

Вашем районе после того, что Вы сделали, по сравнению с другими районами? Есть ли какие-либо объективные показатели, которые свидетельствовали бы о том, что жизнь людей здесь стала лучше? Не чиновников мэрии, а именно жителей района?

– Какие цифры я не произнесу, они могут выглядеть каким-то фонфаронством. То, что деньги в районе появились, это очевидно. И больше, чем в других. Это значит, что я уже могу решать вопросы социальной сферы. И это хорошо. Пожалуй, это главный показатель всего происходящего. Смотрите, в районе проживают 108 тысяч человек, полмиллиона здесь работают и миллион покупают. Самые богатые люди Москвы покупают в нашем районе. Конечно, рынок территориально искажен. У нас дорогие магазины, 400 ресторанов. Мы их специально открывали еще с 1990 г. как цепочку пищевой индустрии. К тому же стремились создавать рабочие места. Мы прекрасно понимаем, что 108 тысяч жителей нашего района испытывают колоссальную нагрузку от приезжающих, покупающих, работающих, и за это они должны получать какую-то компенсацию. И они будут ее получать. Это нормально. У нас именно такой район, который получает доходы от приезжающих сюда и может обеспечить компенсацию проживающим здесь.

В сущности, такой спецификой обладают и другие центральные районы Москвы. В окраинных «спальных» районах ситуация иная. Там большие дома, хорошие коммуникации, легко проводятся кабельные сети телевидения и т.п. У нас с этим туго. К примеру, в двухэтажный дом, где живут три семьи, невыгодно вести кабель. Поэтому у нас до сих пор нет кабельного телевидения. Значит, мы должны вложить больше денег и создать такое телевидение. Нам приходится менять коммуникации в сложных условиях, когда не подлезешь никуда, все застроено, забетонировано и устарело. Следовательно, нам для этих целей нужно больше денег. Когда мои оппоненты говорят: ты хочешь быть миллиардером, а тот несчастный, который, к примеру, живет в Сабурово, в «спальном» районе, останется без денег. Но зато у него есть другие преимущества – чистый воздух, хорошие коммуникации, новый дом, кабельное телевидение, у него есть возможность строиться, получать деньги с земли. А у меня вся земля

уже поделена. Во всем есть достоинства и недостатки. И эту компенсационную схему я разрабатываю, внедряю и она должна действовать.

Что касается строительства, то сейчас мы меняем его схему. Я имею в виду отказ от «точечной» застройки. Что такое «точечная» застройка? Это все равно, что в вашу прихожую приходит мужик в грязных сапогах, топчется там, а потом говорит: я еще и жить здесь останусь. Вот, что означает это строительство. Один, второй, третий дом. Посередине «лепят» еще один, в результате два года шума, грязи, головной боли. Потом появляется дом, вокруг которого несколько десятков автомобилей, а проблема паркинга не решена в Москве нигде. Новым жителям не хватает магазинов, цены неизбежно повышаются (работают законы рынка), детей некуда водить, школ и детских садов также не хватает. Новая головная боль. Вот что нынче предлагают строители в центре Москвы.

Мы приняли решение на Пресне жилье больше не строить. Стоп. Поменялась ситуация. Когда речь шла о том, что мы построим жилье и очередники его получают, тогда был другой разговор. Когда в 1993 г. меня пинком под зад под залпы орудий, стрелявших по Верховному Совету, выгнали отсюда, жилье давали очередникам 1982 года. Через 7 лет я вернулся опять в 1982 год. Мне говорят, что очередь продвигается. Вранье! А какие теперь основания для строительства новых домов? Только коммерческие интересы строителей. Все! Мы прекратили эксплуатировать этот ресурс, но есть исключения. К примеру, реконструкция старых домов. На деле получается строительство нового дома. Это «морковка» для инвесторов – они должны отселить жителей, снести старый дом и построить вместо него новый. Или вывод грязного предприятия. Выведешь цех – построишь жилой дом. Только так. Вот такое у нас строительство.

– А коммунальное хозяйство как-то изменилось за это время? Я имею в виду коммуникации всякие – канализация, теплосети, водопровод, которые, как многие говорят, прогнили. У Вас есть эти проблемы, как Вы собираетесь их решать?

– Для меня главная проблема, чтобы жители не слышали слово «коммуникации». Они должны включить кран, и из него должна потечь вода. Если я буду много раз говорить о коммуникациях: какие они хорошие,

сколько раз я их менял, а потом стану отключать воду, удавит меня житель Пресни.

– Как я понял, отключений воды у Вас не бывает, проблем с прогнившей канализацией тоже нет?

– У нас здесь все в порядке.

– Как относятся к Вашему опыту коллеги из других районных управ? Как они на Вас смотрят? Равнодушно, с завистью или, наоборот, с осуждением?

– Только не с осуждением. Надо понимать, что если бы люди, которые находятся в подчинении городской власти, на «прикорме», возвысили голос против меня, то Лужков сотоварищи это бы правильно поняли и поддержали. Раз они молчат – значит, по меньшей мере, не осуждают. Они с интересом смотрят, кто победит в этой драке? Более того, их положение улучшилось после моего появления. Раньше на коллегии префектуры Центральной округа префект Дегтев произносил гневные речи, чуть ли не вытаскивая нагайку из сапога с криком: вы, главы управ, такие сякие, лишу сладкого... Сейчас молчит, а ругается теперь больше на собственный аппарат. Обидеть главу управы он теперь не может потому, что как только он его обижает, тот делает два шага по направлению к моему креслу. Префект уговаривает, и глава движется обратно. Ситуация психологически разыгрывается именно так. И все ждут, в каком месте я еще проломлю забор. Где я его уже проломил, они туда устремляются и начинают поедать травку в огороде на той стороне. Более того, пока я ломаю основную забор, они делают дыры в других местах. Например, по нежилым помещениям я в конфликт пока не вступил. Этот бой меня еще ждет. А некоторые управы сражение уже начали.

– А Вы не считаете, что у Лужкова есть возможность повлиять на Ваше служебное положение? В Законе о районной управе записано: «Глава управы, допустивший служебный проступок, может быть временно... до решения вопроса о его дисциплинарной ответственности, отстранен от исполнения должностных обязанностей с сохранением денежного содержания. Отстранение главы управы от исполнения его обязанностей производится распоряжением Мэра Москвы...».

– Нет, нет. Очевидно, у Вас уставшая редакция. Я точно помню, что эти статьи поменяли. Короче го-

воря, проступков, с точки зрения мэра, у меня много, но он меня не отстраняет. И не может. Для того, чтобы меня снять, нужны голоса 2/3 советников. Хотя попытки с его стороны отстранить меня были. После того, как 27 августа меня избрали, перед префектом была поставлена задача в течение двух недель найти юридический предлог и меня снять. За две недели не нашли. Потом дали полугодовой срок. Полгода прошло – не сняли. Но пытаются. Прокуратура направила против нас семь исков. Мы судимся. В свою очередь мы направили пять заявлений в суд с жалобами на другую сторону. Также судимся. Жизнь, как видите, бурлит. Но пока у наших противников ничего не получается. Слабенькие нам попались противники. В то же время мы всячески оттягиваем судебные разбирательства в расчете на то, что, как говорится, или ишак сдохнет, или шах умрет. Или и тот, и другой. Ведь политическая жизнь Лужкову отмерена до середины следующего года. Дальше он – хромая утка, после того, как заявил, что не пойдет на выборы. Срок его полномочий заканчивается в декабре 2003 года. Одновременно должны будут пройти выборы депутатов Государственной Думы, мэра Москвы и советников районных собраний. Уже сейчас мы видим, как конкуренты Лужкова – Шанцев, Боос, Полтавченко – проявляют активность. И Станкевич из нафталина вылез, и Гончар появился. Достаточно много людей проявляют интерес к посту мэра.

– А Вы?

– Я очень скромно оцениваю свой потенциал, потому что в этой выборной схватке будут задействованы два мощных ресурса. Один – административный ресурс города, начиная от влияния на чиновников и заканчивая прямыми подделками, чем грешит московская избирательная практика. Второй ресурс – это телевизионные метровые каналы. Скорее всего, все эти каналы будут так или иначе у федералов, а все административные ресурсы – в руках Лужкова и его команды. Мой ресурс существенно меньше и первого, и второго. Он называется так: «районные элиты повернули головы в нужном направлении». Такой ресурс у меня есть, но я должен его накопить и приумножить ко времени проведения выборов.

